УДК 321.01 + 167.7

А. В. Крутов

ПОЛИТИКА КАК НЕЛИНЕЙНАЯ СРЕДА: ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МОДЕЛИ

Цель статьи — обосновать подход к политике как к нелинейной среде. Существующие модели не учитывают динамичных и многофакторных процессов, происходящих в ней. Мир политики проявляет диалектико-синергетические свойства. Он образован сингулярными, конфликтными, субъективными продуктами сознания. В событиях, фактах, ситуациях прослеживаются закономерности. На этой основе закладываются предпосылки нелинейного моделирования, необходимого для политического прогноза.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политика, нелинейная среда, моделирование, событие, ситуация, факт.

Методы моделирования сложных явлений используются при изучении мира политики. Работы Ф. Т. Алескерова, А. С. Ахременко, А. В. Васильева, С. В. Володенкова, А. Ю. Петухова, М. М. Смирнова, Э. Н. Ожиганова и многих других. показывают, что освоена только небольшая часть этой общественной сферы. Применяются линейные, статистические подходы или распространенные в классической физике и экономике методы, разрабатываются модели выделенного политического феномена. Но они не позволяют прогнозировать развитие высокодинамичных, многофакторных процессов и предвидеть смену отношения населения к результатам госполитики, упускают неожиданные побочные эффекты. Политика все более перестает быть олицетворением взаимодействия субъектов, у них нечетко различаются специфические интересы и цели. Политика превратилась в поле «символической борьбы», на что обратил внимание еще П. Бурдье [6]. В этой связи интересны подходы, учитывающие многообразие коммуникативных отношений на разных уровнях и разных сферах.

Границы субъектов политики размываются, приобретают неопределенный вид в социальном пространстве и времени. Например, у партий наблюдаются зависимый от внешних обстоятельств политический курс и размытость в ядре идеологических установок, стратегическая линия выстраивается под конкретных

© Крутов А. В., 2017

лидеров; члены партии зачастую пассивнее ее сторонников; нередко деятельность отдельных руководителей носит самостоятельный характер, включая критику лидера, программы. Заранее неизвестна численность участников планируемой массовой акции, организаторам приходится угадывать время, когда можно собрать максимум активистов.

Субъекты политики становятся зависимыми от других акторов и неполитических факторов в социальных взаимодействиях, выступая как нелинейные структуры с резонансными свойствами. Так, государственная политика проводится с обязательным участием государственно-общественных образований, заинтересованных организаций, СМИ и общественности, а также с учетом интересов целевых групп. «Автор» такой политики становится коллективным, компромиссным, непредсказуемым и неопределенным в пространстве.

Принадлежавшие политике процессы теряют «политичность». Например, выборы в органы власти в значительной степени превращаются в правовой (с наделением полномочиями должностных лиц), психологический (с эмоционально-чувственной, мотивационной борьбой между кандидатами за решение избирателя), экономический, административный, информационно-коммуникативный процессы. Выборы только отчасти остаются политической игрой противоборствующих сил. Поэтому традиционные показатели политики (электоральное поведение, формы агитации, содержание программ, тактика проведения мероприятий) отражают разнородные неполитические явления.

Описание и исследование современной политики затруднено классическими подходами XX в. (институциализма, бихевиоризма, структурного функционализма, теории рационального выбора, неоинституционализма), что побуждает аналитиков к поиску новых научных парадигм, объединению уже известных методологий.

Общественная практика требует от политической науки умения прогнозировать ситуацию в общественной среде, определять время, место и характер управляющего воздействия для ее изменения (осуществления политики) в желаемом направлении. Эта проблема рождает вопросы: что в конкретном случае считать политикой, какие результаты возможны и что считать приемлемым? Ответы основаны на рефлексии политического мышления и герменевтическом «прочтении» окружающей действительности.

Часто определения политики или неприемлемы, или тавтологичны, или уводят от объекта исследования. В широком смысле политикой называют то, что «сами люди считают политикой» [9, *38*] или что «человек в своей речи и мышлении называет политикой» [19, *10*]. Или констатируется, «что значительная часть специалистов-политологов... воздерживается от ответов на вопросы о сущности политики и политических... процессов и явлений» [6, *101*]. Даже само определение политики «является объектом многих дебатов, которые сами являются политическими» [10, *11*]. Исходя из расплывчатости понятия политики, ее модели возможно найти в непрерывной среде, а не в структурно функционирующей системе. Многие социальные процессы описываются в терминах нелинейной среды, достаточно хорошо исследованной в естественных науках, на что неоднократно

обращалось внимание с констатацией некоторых диалектико-синергетических проявлений процессов (В. П. Бранский, В. В. Орлов, Д. Е. Палатников, Г. И. Рузавин, В. М. Сергеев и многие другие).

Решению проблемы моделирования политики как нелинейной среды посвящена данная работа. Объектом изучения является мир политики в многообразии его восприятия, предмет выделяется как доступная нелинейному моделированию часть структуры объекта. При этом должны быть подобраны и обоснованы теоретико-методологические основы и информационное обеспечение исследования.

Политика и нелинейная среда

Существует множество определений политики, и нет ее общепризнанных концепций. Как отмечает Б. Крауз-Мозер, в общественном знании не удается полностью «полагаться на справедливость объяснений» политики, даваемых различными теориями, поскольку «формальные элементы их структур несовершенны». Научное несовершенство последних объясняется сложностью действительности и «непреодолимой сомнительностью идей, генерируемых эмпирическими научными теориями» [15, *93–94*]. Тем самым можно без скрупулезного обоснования опираться на сделанные отечественными и французскими учеными рубежа третьего тысячелетия описания политики, схожие с описанием нелинейной среды.

Необходимость политики, по А. М. Ковалеву, вытекает из закона единства и качественного многообразия мироздания. Она выявляет «объективные тенденции и закономерности» для возможного действия субъекта и направление внутренней адаптации субъекта «с целью решения стоящих задач» в условиях «стихийности, случайности, непредсказуемости и вероятности»; обеспечивает «условия, необходимые для оптимальной самореализации» субъекта; указывает субъекту на «эффективное поведение и направление действия» и на «допустимые границы в использовании условий», которые переступать нельзя [13, *31–32*]. Политика шире суммарной деятельности институтов-структур, — существенный вклад в нее вносит совокупная активность других участников, что похоже на поведение нелинейной среды, некоторые состояния (ситуации) которой приводят к нетривиальным эффектам. Такая аналогия позволяет варьировать внешние условия, начальные данные и свойства среды для изучения, анализа и прогнозирования политики.

В. В. Ильин мыслит материю политического как среду: это полифоническая «социальность, межсубъектная ткань общения, стихия обмена деятельностью, человеческое взаимодействие, интеракция», вне которых «ничего другого не существует», среда, соединяющая то, что внутренне несоединимо. Хотя она поддерживается монополией насилия «официальных и формально-неправовых средств», но государственные структуры лишь «полость для инсталляции политических акций». Мир политики («контрапункт политического») представляется «компонентом общественного сознания», интегральной человеческой коммуникацией «во всей многогранности перипетий и ветвлений» [12, *41*, *44*]. Он возникает на всех предметных областях общественной жизни.

По А. С. Панарину [18, *6–7*], политическую реальность можно описывать в институциональных и конституциональных формах (как аналог физической корпускулярной теории) или в формах внеинституционального, неофициального влияния и контроля (в виде волн и полей).

Для И. М. Кривогуза политика возникает в решениях разнородных общественных проблем, которые не могут урегулировать «ни нравственность, ни административно-правовая система» в любых сферах — «экономики, отношений общества с природой, межличностных и этноклассово-конфессиональных отношений, духовной жизни» [16, *94*]. Соответственно моделирование политики, в отличие от имитации социальной деятельности, должно акцентировать *особые* («сингулярные», по А. Бадью) состояния нелинейной общественной среды.

Если исходить из вышеописанного понимания политики, то какие свойства политики характерны для нелинейной среды?

Политика — последовательность критических событий («гомогенных сингулярностей»), описываемых одинаковыми или изменяющимися закономерными свойствами из различных по своему происхождению частей среды. Политическая последовательность завершается по мере «имманентного эффекта исчерпания своих возможностей» [4, *207, 208*], т. е. понимания проблемы как решенной или неактуальной. Политика проявляется через возникновение и динамику однородной исключительности (*развития структур*) в неоднородной среде.

По убеждению В. В. Ильина, политика — процесс и результат мышления и действия со своей логикой передачи сведений об обществе. Будучи частью практически-духовной деятельности, она перемещает теоретическую в утилитарную сферу за счет социальных технологий, трансформационных программ, допущений, принимаемых как «жизненная рама толкований и полаганий». Политика поддерживается особой логикой выработки, хранения, закрепления и передачи наследия на основе «пред-видения, пред-смысла, пред-понимания». Исходно-жизненная база политических акций формируется из среды, социального взаимодействия, традиций [12, *45–46*]. Политика создает *собственные закономерности*, обеспечивающие *распределенную гетерогенную «вязкость» среды*, сгустки в виде структур и их комплексов.

Политика акцентирует проблемы, исходящие из перемены отношения к ситуации; она «симптом потенциально нарушенного равновесия» и возникает при дисгармонии, когда «поставленная под сомнение вещь» приводит к проблемам, «вызывающим беспокойство и требующим вмешательства». Проблема может существовать объективно, но оценки ее «значимости, ее серьезности, ее злободневности» — предпосылки политики — различны, как и предлагаемые решения [10, *12*]. Они хаотичны и субъективны, зависят от «жизненной рамы». Успех политики по решению предпосылок-проблем порождает *новые структуры в хаотичных участках среды*.

По Ж.-М. Денкэну, неточность, неполнота, «хрупкость» поступков, знаний и заключений о ситуациях происходят: 1) по причине «исключительной сложности политических явлений», невозможности познать, изолировать массу «появляющихся параметров»; 2) из-за того, что в «мире политики,

в противоположность физическому миру, никакой эксперимент невозможен». Поэтому чем многообразнее действительность, тем труднее построить ее «абстрактную модель» [10, *39*]. Политика демонстрирует *неустойчивость* и *непредсказуемость* среды.

Какие свойства нелинейной среды характерны для политики?

Основные регуляторы (право, мораль и др.) призваны обеспечить *целостность* общества в условиях многообразия, стихийности и непредсказуемости. Политика при этом осуществляет инновационные цели, нетривиальные интересы, дестабилизирующие общество, и формирует реакции (восприятия или действий) на непривычное. Целостность предполагает наличие процедур обобщения и выведения закономерностей в культуре, коммуникации, устремлениях, идеологических и религиозных конструкциях и др.; она становится конкретной и конструктивной стороной событий. У А. Бадью идея целостности выделена как «связное множество, легитимированное глобальной ситуацией», которое он представляет как «единицу», общность, неразрывность, что «способствует “счету-за-единицу”, благодаря которому возникает структура» [4, *62*]. У А. С. Панарина целостность связана с выбором, убеждением, целеполаганием субъекта политики: она предполагает возможность «операционализации знания», пригодного для воздействия на «объект, не дожидаясь формирования целостных представлений о нем» [18, *259*], что и отличает политику от других социальных действий. Развитие создает новую целостность-единство в ответ на расшатанность прежней целостности. Недаром А. А. Кокошин называл политику способом решения проблем, порожденных политикой предыдущего исторического периода [14, *10*].

В политике также проявляется *сложность*, имеющая немало толкований. В диалектической трактовке она рассматривается как фактор развития, интегрированное многообразие, возможность перехода от необходимости к свободе. Усложнение — это переход от низшего к высшему за счет приращения сложности, через реализацию одной возможности из множества путей развития [17, *151–155*]. Аналогично синергетическое толкование сложности: наличие бифуркационных переходов вдали от равновесия и при существенной нелинейности; нарушение симметрии; появление макроскопических корреляций [8, *824*]. Сложность и целостность политики поддерживается государством: первое — согласованием естественных, неформальных «тяготений людей, связанных с родством, традицией или взаимными симпатиями»; второе — «обезличенной, формально-бюрократической организацией» (что прослеживается у Панарина [18, *20*]).

Сложность снижает «надежность» последствий политических действий; так, малое изменение начальных условий может дать противоположный результат [10, *40*] или резонировать. А «одни и те же проекты в разных, даже весьма мало отличающихся, средах могут давать разительно непохожие, неожиданные» последствия. По мнению Панарина, современная политика идет «в рамках открытой непредопределенной и негарантированной истории», а процесс характеризуется «непредопределенностью результата» [18, *256, 5, 3*]. Политика — *рискованная* деятельность с *недетерминированностью* последствий, она может проявиться как аналог самоорганизованной критичности.

В описании Бадью администрирование с опорой на партии эффективно с точки зрения государства и распределения власти в стабильной ситуации. Но движение масс рушит гомогенность правления, делая их политически «означающими» в проявлении собственного сознания. Политика выражается в коллективной процедуре с сингулярностью, свидетельствующей, «что люди мыслят». В определенных внешних условиях народные массы начинают борьбу со «связанной сплоченностью частей-партий», рассеивая «иллюзию этой сплоченности-пустоты» и предъявляя «множество утвердительных сингулярностей». В итоге политика формирует «новый закон, изымаемый из государства» [4, *156, 158–159*]. В нелинейных средах подобные процессы называются *самоорганизацией*.

По завершении «политического воздействия на реальность» в гетерогенной среде образуются структуры-седименты (по Ильину): «отслаивается, выпадает в осадок, откристаллизовывается некое рационально устойчивое» образование. Осадочный слой образуется благодаря противостоянию произвола и анархии: «политика обслуживает жизнь, выступая по отношению к ней зависимым фактором». (Образование седиментов напоминает описанный Г. П. Щедровицким процесс соединения искусственного и естественного в модели «желудя с крышкой» [23, *441*].) Седиментами могут быть и институты, и высокие образцы культуры: «гуманитарные константы, социальные абсолюты, фиксирующие предпосылки самореализации в материально-производительном, социальном и экзистенциальном сегментах групповой жизни». Они способны давать гарантии, ручательства «полноценного проживания, участия в вершении “медленных трудов” в кругу семьи, дома; в интеллектуальной, гражданской инициативе общественного устроительства» [12, *50*]. В теории нелинейных сред это называется *коэволюцией*, а в диалектике — *развитием*.

Кроме того, в политике существуют уже описанные в литературе о социальной сфере феномены (аттрактор, автопоэзис, бифуркация, локализация, принципиальная неопределенность, фрактальность и др.), характерные для непрерывных сред.

На основании суждений нескольких указанных выше авторов (конца прошлого века) рискованно делать обобщающие выводы. Поэтому следует разобрать характеристики выделенного предмета — политики как среды.

Основания для анализа мира политики как среды

Свойства предмета определяются принятыми «номинальными решениями» о соотношении мира политики и среды. Методологически они задаются связями, «возникающими между отдельными аналитическими понятиями», или утверждениями «о зависимости между явлениями эмпирического мира». По мнению Б. Крауз-Мозер, признание модели в качестве «нормативной схемы, характерной для эмпирической теории», возможно при наличии «комплекса языковых объектов, которые поддаются всестороннему логическому анализу» [15, *42*]. В данной работе предлагаются следующие «номинальные» основания:

1. Мир политики образован набором *неточных, превратных представлений* или *фактов сознания*. Интерпретация феноменов как политических

подразумевает «признание того, что их сущность связана с сознанием», т. е. с «множеством предрассудков, заранее составленными идеями, любимыми фетишами и мифами» [10, *31, 32*]. Представления задают «художественные портреты», а не «фотокопии» реальности. В результате в мире политики ложная идея является фактом сознания и подтверждается также как истинная; восприятия результатов реальных действий могут расходиться у «авторов» и «потребителей» продукта политики.

2. В отличие от физического мира элементы мира политики не являются «интерсубъективно познаваемыми и стабильными» [Там же, *31*]. Тем самым его моделирование при помощи аналога физической среды всегда *искусственно*, имеет множество «прочтений» и напоминает расходящееся поисковое прогнозирование. Однако представления в мире политики иерархичны: наиболее весомы те, в которых ярко выражены осознание резкого изменения чего-то, пробуждение потребности; необходимость выполнить, сделать; проявления воли, мотивации, власти. А. М. Пятигорский приводит такой пример: «...простой человек думает всегда так: "Надо на это дело — какое бы оно ни было — подкинуть денег и поставить умного человека". Так это же чистая политика!». И поясняет ее отличие от сферы финансов, в которой, может, «кто-то даст денег»; в политике «кто-то должен захотеть дать денег, а кто-то должен ему сказать: "Дай денег"» [19, *11*]. Поэтому наш предмет адекватно должен моделироваться в топосах с ярко выраженными фактами сознания, тогда разворачивание политики подчиняется закономерностям среды и генезиса самих представлений.

3. Мир политики состоит из *конфликтных элементов* — фактов сознания, пошмиттовски разделенных и противостоящих друг другу. Ж.-М. Денкэн уверен, что политические представления противоречивы, поскольку «нельзя пользоваться политическими благами, не лишив этого другого», а представления о действиях в мире политики «множественны и находятся в состоянии конфликта». Кроме того, сравнивая, что «является миром политики и что не является миром представлений, можно понять, в какой степени противоположное утверждение соответствует действительности» [10, *35, 36*], но не истинности. Г. П. Щедровицкий определяет политику как попытку взаимного захвата двух систем при невозможности управлять друг другом [22, *60*], т. е. политика — (мысле)деятельность над деятельностью (управление с противоречием целей).

4. Элемент мира политики — *заинтересованная интерпретация* смены представлений. По Денкэну, политические представления подвижны, корректируются, реструктурируются перед новым опытом, поскольку получены из практики и предназначены для практики. Они относительны и зависят от точки зрения автора, «предопределены прежней жизнью субъекта» вместе со всеми своими «психологическими, социальными, культурными, религиозными и т. д. свойствами». И «в этом контексте политический аспект факта приобретает волюнтаристский и произвольный характер». (Денкэн указывает на их «корыстный характер», Крауз-Мозер — на «политический или идеологический интерес», а Щедровицкий — на целевое производство смыслов, знаний и практическое функционирование [10, *34–35, 31*; 15, *225*; 23, *273*]).

5. Факты сознания — продукты определенной, иногда экспертной, *мыслительной деятельности*. Пятигорский считает, что политика существует только в форме политического мышления, причем «твоего, моего, их, талантов, бездарностей, умных, дураков, кого угодно». Поэтому у политики нет «отчлененного, систематологически выделенного предмета», принятого во всех науках. Предмет появляется только в результате *организующего* политического мышления. Накопленный багаж политической рефлексии, зафиксированный несколькими альтернативными летописцами и учеными с их оценками и выводами, также формирует представление о политической жизни. Вместе с тем миру политики необходима элита с «дисциплинированным мышлением», которая «может *рефлексировать* и *манифестировать* эту рефлексию в сказанном и написанном» [19, *9–10, 23*]. Мир политики продуцируется не только мыслительной деятельностью «фрагментированных» источников политической рефлексии Пятигорского, но и массовыми эгалитарными восприятиями Бадью, не имеющими кристальной рефлексивной чистоты.

6. Политика как коллективное отражение действительности *искажает реальность*, она «многогранна: рациональна и чувственна, сознательна и сверхсознательна». Мир политики «живет без помощи понятия истины», поскольку логика выработки, хранения, закрепления и передачи наследия обусловлена практикой [10, *36*; 12, *45–46, 50*]. Тем самым реальными параметрами в мире политики являются не историко-социологические (естественные), а другие (искусственные) факторы-термы.

7. В мире политики помимо представлений есть другие элементы. Так, А. Бадью указывает на феномены, связанные с «не-мыслью» (видимо, некий аналог «политики — грязного дела» в отличие от аристотелевской политики — части этики). Они показывают «смесь могущества и мнения», одушевленную «субъективностью протестных требований и злопамятности, трайбализма и лоббизма, электорального нигилизма и слепых столкновений между сообществами». (Денкэн называет такую политику второстепенной, «чисто политической», «плохой» [10, *14*].) Напротив, политика, соответствующая философской «позиции идеи справедливости», обозначает «возможную истину некой политики» и претворяет аксиому: «люди мыслят, люди способны к истине». Они могут чувствовать справедливость, хотя она не поддается определению, являясь «квалификацией эгалитарной политики *в действии*». Мысль — это способность «истины охватывать и пронизывать человеческое существо», причем она «должна следовать путем понимания аксиомы» [4, *179–180, 182*]. Итак, одни виды политик могут претворить в жизнь истины (практика — критерий истины, созданной «эгалитарной» мыслью), другие — искажают ее.

8. Денкэн выявляет феномены, содержащие образы «желательного и возможного» мира. Политика пред-задана существованием в сознании субъектов «воображаемого мира, мира возможного и лучшего», дублирующего реальный мир. Их сравнение побуждает к преобразованию «воображаемого в действительность», но «результаты предвосхищений политических субъектов ненадежны» [10, *37–38*]. Однако мир политики развивается из потребности и предвкушения

свободы и благодаря наличию в сознании одновременно реального и «желательной и возможной» составных частей. Желательные и возможные миры в политике проявляются аналогично странным аттракторам в средах.

9. Для Денкэна феномен выбора — «ключ к пониманию политики», разделяющий ее на легитимную и неспецифическую, синонимичную бытовым понятиям составляющие. Первая связана с *искусственным выбором* через произвол, нерешительность и предпочтение, а также через наличие множества «индивидов, способных осуществить выбор», который — всегда *бифуркация*; вторая, как правило, — с технократическим решением [10, *12–16, 38, 19, 23*]. В процессе выражения предпочтения и осуществления выбора мир политики формирует *политического* субъекта из административно-правового, социального, культурного или любого другого субъекта. В среде-модели политики выбор аналогичен бифуркации с рождением структуры.

10. Выбор субъекта — поступок — *произволен*, поскольку в политике невозможно объективно сравнить последствия развития (ввиду отсутствия универсального критерия: деньги, время, счастье, безопасность, стабильность, выгоды, другие ресурсы). Выбор — одно из вероятных, заранее непредугаданных событий, но подчиненное внутренней логике и истории новоиспеченного субъекта, имеющее для него цель, смысл, замысел. Поэтому Бадью называет политику «всегда отчасти неразделимой верностью событийной сингулярности, управляемой предписанием, которое опирается лишь само на себя». При определенных обстоятельствах может возникнуть политически истинный результат, «прочитываемый лишь ретроактивно в форме знания», которое доступно «действователям, а не наблюдателям» [4, *116*]. В модели политики верность может означать, что в среде возникает новый «источник сингулярности» со своей внутренней логикой, неизвестным для окружающей среды поведением.

11. Политика — практика «решения неординарных общественных проблем», в ней используются различные искусства — «от актерского до шахматного», причем ее нельзя считать искусством [16, *92*]. Мир политики *иррационален*. Денкэн утверждает превалирование субъективного над объективным в политике, поскольку большинство думает и «поступает в соответствии со своим убеждением». Так, руководитель предприятия зависит от субъективных позиций институциональных структур, а также от нерациональных ожиданий общественности [10, *27*]. Субъект оказывается под влиянием окружающих его структур и состояния контактной с ним среды. Его действия воспринимаются в виде политических фактов и событий, а возникающие ситуации в рефлексии или в массовых восприятиях оцениваются как иррациональные. Поступок-выбор приводит к изменению сложившейся закономерности и формирует новую, исходящую из «теневой структуры» субъекта.

В политике есть структуры разной природы — государство, партии; источники гетерогенных возмущений — субъекты-носители верности; аттракторы — цели и ценности и др.

Итак, политика напоминает поведение термодинамической активной неравновесной среды, а *элементы* политики — это представления или факты сознания, другие феномены.

Событие, факт и ситуация в развертывании политики

Политика определяется не только элементами, но и продукцией их развития, прошедшей осознание, вербализацию, иерархизацию, признание, — компонентами. Последние выступают содействующей силой, частичной причиной, оказывающей влияние на развертывание политики. Компоненты (как категории аналитического характера) следует уточнить для систематизации материала, поддающегося вербализации. Это позволит установить порядок отождествления понятий, применяемых в моделировании, с «реальной действительностью». Основные из них — события, факты, ситуации — связывают политику с историей, хотя интерпретируются компоненты специфично.

Событием обычно называют нечто свершившееся, произошедшее, уникальное и неповторимое, привлекшее внимание субъекта, участника. Исторически важное событие изменяет социальную обстановку, являясь результатом действий, обладает относительной самостоятельностью, целостностью и значимостью для хода истории [11].

Коллективно значимую часть перечня характеристик концепта события по Арутюновой [2, *181*] можно считать политическими аспектами события. На примере Дня Победы 1945 г. к таким аспектам относятся: а) принадлежность магистральной линии жизни, отличающая его от инцидента, — это событие логически завершило войну (магистраль) с гитлеровской Германией; б) динамичность и кульминативность, т. е. наличие «точки осуществления», — выразились в Акте о капитуляции; в) сценарность события, развертывание внутреннего авторского плана, отсутствующие у «градуированного процесса», — по замыслу война была закончена в Берлине; г) целостность, отвлеченность от временно́й протяженности (в отличие от уже сложившихся процессов) — были в праздничных эмоциях и действиях (стихийных росписях на Рейхстаге), единстве чувств и переживаний всех участников вне реального времени; д) отсутствие логической необходимости существования «в отличие от состояний, качеств, свойств и других форм бытия» (не со-бытие) — прекратилось прошлое «военное» и началось новое «мирное» бытие; е) единичность и счетность — Победа воспринимается событием-«единицей» с возможностью описания числовыми показателями; ж) преимущественная включенность в интерпретирующий контекст, отличающая событие от структурированного процесса, — «событие» связывается с действиями коалиции, международными отношениями и задачами внутренней политики СССР.

Обычное событие длится в виде *множества интерпретаций*, оставаясь в «рыхлом», неструктурированном виде. (В терминах Бадью это означает «различение краха режима Единицы» и наличие нередуцируемой Двоицы.) Например, формами восприятия «развала СССР» были разные события: изменение массового сознания в результате гайдаровских реформ в начале 90-х гг.; резюме дальновидных политиков, аналитиков, деятелей культуры в конце перестройки 1988–1990 гг.; подписание государственного акта — Беловежского соглашения 1991 г.; наконец, отношение россиян к зависимости бюджета страны от стоимости нефти в 2010 гг. Как политическое событие «развал СССР» не воспринимается,

поскольку отсутствует явно выраженная точка сингулярности (вследствие чего до сих пор популярна идея восстановления СССР). Политическое событие *начинается* с преобразованием массового восприятия, с построением экспертной (рефлексивной) оценки, с принятием общественно-административного акта.

В моделировании политики применимы результаты исследований А. Бадью природы события с помощью «родовых» процедур, условий философии. Согласно автору политические события отличаются радикальным разрывом с «обыденностью», конкретностью, редкостью [3; 4; 1, *64*; 21, *214*]. В событие включается все, что не подходит к нормальному распорядку жизни.

Особенность политического события — верность ему субъекта. Структура события зыбкая, его развитие зависит от субъекта, который «ставит» на него, верит в истинность события. (Верность субъекта событию сродни резонансным свойствам.) Так, роковой случайный шаг субъекта, неожиданное происшествие или присвоение чему-то имени без определенного значения, и событие «раскручивает свой маховик, наслаиваясь само на себя» [3; 4; 1, *61–62*], что напоминает уже самоорганизованную критичность.

«Верный» субъект ориентируется в направлении развития, заново познает действительность во времени и пространстве, переосмысливает представление о прошлом и будущем. Он автономен и способен «творить» правила. Субъект почти «математически» точно конституируется по отношению к реальности: вера задает ему момент события, надежда продлевает уверенность в успехе запущенного событием процесса, а любовь связывает субъекта с событием во всяком текущем моменте [1, *63*]. Когда завершается формирование сингулярности, верность субъекта превращает его в носителя «процесса истины», в «субъект истины», текущие обстоятельства в «точке разрыва» трансформируются.

Бадью ввел понятие родовой «процедуры истины». Верность событию порождает «универсальную истину», выраженную в последовательности выборов верного ей субъекта. Она проявляется в практический деятельности: организации, участии [3, *16*; 1, *62–63*]. Каждый верный событию с риском для себя может подключаться. Таким образом, из раскручивания события рождается объективная искусственная закономерность, выраженная как в действиях субъектов события, так и в изменении обстановки.

Некоторые редкие неполитические события у Бадью имеют высокую конкретность (встреча Элоизы и Абеляра, открытия Галилея или Генделя, революции 1789 и 1917 гг.), которая означает «сгущение точек вокруг некоторого центра», пока субъект хранит верность событию. Конкретность события возникает в точке разрыва политического института [1, *63*], являясь аттрактором среды.

В описании политики часто используют *факты*, т. е. понятия, указывающие на совершенность, реальность и фиксацию в эмпирическом знании нечто «относящегося к делу», а также на истинность и достоверность свидетельств о произошедшем. Историко-политический факт часто конструируется путем обобщения выборки «важного» в данном контексте. Например, факт начала войны был признан с заявлением В. М. Молотова 22 июня 1941 г. о выступлении Германии «с войной против СССР» на основании вооруженного вторжения на нашу территорию.

Однако в ноте немецкого МИДа говорилось только о невозможности Германии «безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе» и о «приказе германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу». Поэтому в ряде стран данное вторжение рассматривается как продолжение Второй мировой войны, как факт открытия Восточного фронта.

Факт есть интерпретируемое, символическое отражение реального бытия, при этом «интерпретация символов предшествует собиранию фактов», без которой трудно описать реальность (например, базовое для Пятигорского понятие «война»). Поэтому факты политической истории «включены в герменевтическое поле» [7, *114*].

Для моделирования требуются факты, продуцированные при помощи научных методов. Перевод информации об объектах мира политики на язык науки «требует анализа, абстрагирования, идентификации, обозначения». Политические факты конструируются субъектом, который выборочно абстрагируется от большинства характерных для явления свойств, «сосредоточиваясь только на некоторых и оставляя без внимания остальные». Обработка чувственно-мыслительных данных осуществляется при помощи принятого в науке языка и понятий, а описание явлений совмещает эмпирический и теоретический уровни познания [15, *151, 210*]. Процедура включает установление и признание действительности каких-то аспектов событий и поступков, описание их научным языком.

По Арутюновой, «факт — это тень, отброшенная событием на экран знания» [2, *139*]. Событие связано с фактом: первое имеет сущностно-бытийственную природу, второе — знаковую. Поэтому в событии есть свойства процесса, в факте их нет.

Хотя факт относится к наблюдаемому миру, по мнению Арутюновой, он не может быть объектом наблюдения: нельзя его «увидеть» или «услышать», можно быть свидетелем события, но не факта. События погружают человека в реальность, факты же погружают реальность в сознание человека. Факты соответствуют суждению, а не положению дел в мире. В историко-политической сфере имя «факт» ориентировано на логическое пространство с координатой истины/лжи, имя «событие» ориентировано на поток реальности в пространстве и времени [2, *168, 138, 103, 155, 153, 168*; 11]. Например, уже отмеченный выше исторический факт начала войны Германии против СССР превращался в новое именованное событие — начало Великой Отечественной войны. (Сначала по радио Молотов объявил о нападении Германии и необходимости изгнания войск с нашей территории; затем в печатной версии выступления добавился абзац со словами о «победоносной отечественной войне за Родину, за честь, за свободу»; наконец, в июньских статьях «Правды» появился сам термин, который закрепился в СССР после радиообращения Сталина к народу 3 июля 1941 г.).

Бадью уверен, что именно событийное является «местом, куда вписывается сущность политики», поскольку в этой сфере слишком «шатко» понимание происходящего. Значит, мысль должна отличать событие «от его текущей имитации», которую он называет фактом. Более того, низкий уровень политической рефлексии основан на «смешении события с фактом». Поэтому описание сущности политики

должно быть избавлено от «политической» фактичности и «привязанных к ней числовых соображений» статистического характера [4, *53*]. То есть сконструированные факты формируют числа, которые затмевают события и уводят от их истинности.

«Событие есть то, чего недостает фактам» [Там же, *54–55*], и то, что вернет последовательности фактов истинность через выравнивание степени важности события в памяти участников, наблюдателей. Так, важность события может быть незначительна, хотя «бесконечное множество его последствий незримо продолжает способствовать циркуляции его истинности», а поток фактов и частая ссылка на них приводят к несоразмерному росту важности. Поэтому от рефлексии в политике следует ждать пересмотра хронологии фактов и правильной акцентировки хроники событий, что позволит выделить истинные последовательности.

Задача политической герменевтики сводится к толкованию последовательности фактов как истинного события в закономерном виде.

Под *ситуацией* понимается обстановка, совокупность обстоятельств, условий, создающих отношения или положение в пространстве и времени, характеризующиеся динамикой, проявлением активности. Политическая ситуация представляет действительность на основе «политики как позиции», как не естественной, а искусственной, субъективно выбранной точки зрения. Она «саму себя может осознавать только как вытекающую из таких предпосылок» и мыслится продолжением предшествующих ситуаций во времени, совокупность которых есть политика [20, *8–9*]. Политическая ситуация может восприниматься как «корыстное» ожидание субъекта и его участие в развитии ее предпосылок.

В философии Бадью ситуация — «положение вещей», произвольно предъявленная «множественность». Так, есть «*конструируемое* подмножество множества» — это множество, имеющее математическое описание, закономерность. Например, ситуация выражает отношения между желанием и законом в обществе. Под воздействием государства конструируемое подмножество становится «Единицей». Выявление *неконструируемого* «*родового*» подмножества Бадью связывает с расшатыванием порядка, например, с «революционными действиями 60-х». Взаимодействие двух подмножеств в диалектическом противостоянии «закона и конструируемости» с «желанием и родовыми качествами» приводит к *предполитической* ситуации. Она возникает при антагонистическом размежевании, когда положение «существует некая Двоица» нередуцируемо, что означает «пустое» множество. Пустота олицетворяется точкой «непредставимого», «пристегиваемой к реальности», в ней «полнота представительства» выражается термом Двоицы [3, *17*; 5; 4, *61, 62*]. Примером пустоты является дискуссия в России о продлении моратория на исполнение смертной казни. (Хотя Конституционный суд РФ запретил впредь выносить смертные приговоры, но есть обилие отсроченных высших мер, а политического решения нет, поскольку население выступает за исполнение приговоров.)

Таким образом, на основе философии Бадью установлены предпосылки для систематизации вербализуемого эмпирического материала и механизма отождествления понятий с реальной действительностью.

Справедливо утверждение Крауз-Мозер о том, что понятия не тождественны представляющимся явлениям, поэтому понятие не может быть основой суждения о действительности. Другими словами, явление-фрагмент действительности и явление-предмет исследования не идентичны [15, *42*].

Теоретико-методологические основы позволяют выделить предмет исследования — политику — и отметить ее свойства. К ним, в частности, относятся широкое поле возникновения политики и реальность превращения ее в неполитическую деятельность; субъективность и моральный выбор; многовариантность, основанная на вероятности и риске; однократность и инновационность и др. Нелинейная среда еще не моделирует политику, только ее сингулярности отражают *политическое*. Элементы политики как нелинейной среды проявляют диалектические и синергетические свойства. В дальнейшем можно будет обосновать понятия, характеризующие политику-среду.

---

1. *Абдулла А.* Философия события А. Бадью // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : Філософія. Філософські перипетії. Харків, 2008. № 830.

2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

3. *Бадью А.* Манифест философии / сост. и пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб., 2003.

4. *Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М., 2005.

5. *Бадью А.* Политика: неэкспрессивная диалектика (лекция) [Электронный ресурс]. URL: http://left.by/archives/2873 (дата обращения: 06.10.2016).

6. *Бурдье П.* Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.

7. *Василенко И. А.* Сравнительная политология : учеб. пособие. М., 2009.

8. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. ; Минск, 2001.

9. *Гаджиев К. С.* Политическая наука : учеб. пособие. М., 1994.

10. *Денкэн Ж.-М.* Политическая наука / пер. И. А. Гобозова. М., 1993.

11. *Еременко А. М.* Понятия «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие [Электронный ресурс]. URL: http://bo0k.net/index.php?bid=2772&chapter=1&p=achapter (дата обращения: 06.10.2016).

12. *Ильин В. В.* Политология : учеб. для вузов. М., 1999.

13. *Ковалев А. М.* Место и роль политики в современном мире // Вестн. МГУ. Сер. 12 : Политические науки. 2013. № 3.

14. *Кокошин А. А.* Политика как общественный феномен: Формы и виды политики, ее акторы, взаимоотношение с идеологией, военной стратегией и разведкой. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2010.

15. *Крауз-Мозер Б.* Теории политики. Методологические принципы : пер. с польск. Харьков, 2008.

16. *Кривогуз И. М.* О предмете политологии // Общественные науки и современность. 1994. № 3.

17. *Орлов В. В., Грищенко В. С.* Проблема сложности в современной зарубежной философии // Философия и общество. 2010. № 1(57), янв.–март.

18. *Панарин А. С.* Политология : учеб. М., 1997.

19. *Пятигорский А. М.* Что такое политическая философия: размышления и соображения. М., 2007.

20. *Пятигорский А. М., Алексеев О. А.* Размышляя о политике. М., 2008.

21. *Филатенко И. А.* Понятие «событие»: философские основы интерпретации // Молодой ученый. 2012. № 4.

22. *Щедровицкий Г. П.* Организация, руководство, управление. М., 2003.
23. *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избр. труды. М., 1995.

Рукопись поступила в редакцию 7 октября 2016 г.

УДК 316.648:321.01 + 321(470) + 004.773.7

О. Ф. Русакова
В. М. Русаков

«МЯГКАЯ СИЛА» ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАОБРАЗОВ: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ

В статье проводится дискурс-анализ «мягкой силы» с точки зрения медиатехнологий, которые обеспечивают формирование благоприятного международного имиджа страны. Дискурсы политических медиаобразов рассматриваются как агенты символической политики и как важные инструменты soft power. Раскрыта структура дискурса политического медиаобраза. В статье дается анализ различных рейтинговых систем soft power, в которых содержится такой параметр, как успехи в области информационной политики государства. В качестве примера эффективного использования медиадискурса политических образов страны приводится деятельность телеканала Russia Today. Стратегические эффекты дискурсов политических медиаобразов рассматриваются на примерах допингового скандала и демонстрации российского флага командой Белоруссии на Паралимпийских играх в Рио де Жанейро.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «мягкая сила», «мягкая сила» России, рейтинг soft power, аттрактивность, политический медиаобраз, политический медиадискурс, символическая политика, имидж, образ государства, массмедиа, фрейминг, Russia Today, Олимпийские игры.

В последние годы наблюдается резкий рост научных работ, посвященных проблематике soft power, или «мягкой силе» [11, 34]. В центре внимания исследователей — эффективность использования «мягкой силы» в целях повышения имиджевой и репутационной привлекательности страны (экономической, культурной, гуманитарной, социальной, политической и пр.). Привлекательность выступает сущностной характеристикой «мягкой силы». «Мягкая сила» рассматривается в современных исследованиях как альтернатива «жесткой силы» (hard power). Впервые данная бинарная модель властных сил была предложена и концептуально раскрыта в работах американского специалиста в области международных отношений Дж. Ная [13]. Под «жесткой силой» исследователь подразумевает использование во внешней политике таких методов влияния, как вооруженное насилие, военная экспансия, экономическое давление, экономическая блокада, санкции, подкуп.

В противоположность «жесткому» способу влияния «мягкая сила» — это способность добиваться желаемого на основе соблюдения принципов добровольности

© Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2017